

Крестины / новелла

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Крестины / новелла КРЕСТИНЫ

Гийеме

У крыльца фермы стояла в ожидании кучка повоскресному разодетых мужчин. Майское солнце заливало яркими лучами цветущие яблони, похожие на огромные бело-розовые ароматные букеты и осенявшие двор цветочным навесом. Крохотные лепестки непрестанно осыпались с ветвей, порхали и кружились, как снежинки, падая в густую траву, где одуванчики пылали огоньками, а венчики мака казались каплями крови.

Развалившись на куче навоза, дремала свинья с огромным брюхом и набухшими сосками, а кругом сновал целый выводок поросят с закрученными хвостиками.

Но вот где-то за деревьями фермы раздался звон церковного колокола. Его металлический голос бросал в сияющее небо слабый, отдаленный призыв. Ласточки, как стрелы, прорезали голубой простор, который с двух сторон замыкали высокие, неподвижно застывшие буки. Порой доносился запах хлева, примешиваясь к нежному, сладкому дыханию яблонь.

Один из стоявших у крыльца мужчин повернулся к дому и крикнул: – Скорее, скорее, Мелина, уже заблаговестили!

На вид ему было лет тридцать. Это был рослый крестьянин, еще статный и не обезображенный долгими годами полевых работ. Старик, его отец, весь узловатый, как дубовый ствол, с корявыми руками и искривленными ногами, заявил:

Уж эти мне женщины! Никогда не поспеют к сроку.

Два других брата засмеялись, и один из них, повернувшись к старшему, который только что позвал женщин, сказал:

– Сходи-ка за ними, Полит, а не то они будут мешкать до полудня.

И молодой крестьянин вошел в дом.

Стая уток, остановившаяся неподалеку от крестьян, закричала,

хлопая крыльями; потом медленно, вразвалку направилась к луже. Но вот в открытых дверях показалась толстая повивальная бабка, неся да руках двухмесячного ребенка. Концы ее высокого белого чепца свешивались на спину, резко выделяясь на красной шали, пылавшей, точно пожар; завернутый в белоснежные пеленки младенец покоился на ее объемистом животе.

Затем появилась молодая мать, высокая и крепкая, лет восемнадцати, не более, свежая и улыбающаяся; она шла под руку с мужем. За ними следовали две бабушки, с лицом, сморщенным, как вялое яблоко, сгорбленные, с натруженной поясницей, надорванной долголетним усердным и тяжким трудом. Одна из них была вдова; она взяла под руку дедушку, стоявшего у крыльца, и они двинулись во главе кортежа, вслед за младенцем, которого несла повивальная бабка. За ними тронулись остальные члены семьи. Самые младшие несли бумажные кульки, полные конфет.

Вдалеке небольшой колокол звонил без устали, что есть силы призывая хрупкого малютку, которого ждали в церкви. Мальчишки взбирались на насыпи вдоль канав, взрослые подбегали к заборам; работницы с фермы останавливались поглазеть на крестины, поставив на землю ведра, до краев полные молока.

А повивальная бабка торжественно несла свою живую ношу, обходя лужи в выбоинах дороги, которая тянулась между склонами обсаженных деревьями холмов. Старики выступали церемонно, их старые, больные ноги слегка заплетались, а молодым парням хотелось поплясать, и они заглядывались на девушек, прибежавших посмотреть на шествие; молодые супруги шли важно, с серьезными лицами, сопровождая ребенка, который в свое время заменит их в жизни и продолжит в округе их имя — хорошо известное по всему кантону имя Дантю.

Они вышли на равнину и двинулись напрямик через поля, сокращая дорогу.

Вот показалась и церковь с островерхой колокольной. Под ее шиферной крышей в сквозном проеме что-то быстро двигалось взад и вперед, мелькая в узкой амбразуре. Это был колокол, он все звонил и звонил, приглашая новорожденного войти в первый раз в жизни в дом господ бога.

За ними увязалась собака. Ей бросали конфеты, а она весело

прыгала вокруг людей.

Церковные двери были открыты. Священник, высокий рыжеволосый молодец, худощавый и крепкий, тоже Дантю, приходившийся дядей ребенку и братом его отцу, ожидал перед алтарем. И, совершив обряд, он нарек своего племянника Проспером-Сезаром, причем малютка принялся плакать, отведав символической соли.

Когда церемония окончилась, все семейство подождало у порога церкви, пока аббат снимет стихарь, затем отправилось в обратный путь. Теперь шли быстро, потому что у всех на уме был праздничный обед. Окрестные ребятишки следовали за ними, и всякий раз, как им бросали горсть конфет, поднималась отчаянная свалка, летели клочьями вырванные волосы; собака тоже бросалась в общую кучу, чтобы захватить лакомство, ее оттаскивали за хвост, за уши, за лапы, но она была упорнее детворы.

Повивальная бабка, немного уставшая, сказала аббату, который шел рядом с ней:

– Послушайте, господин кюре, не можете ли вы поддержать малость вашего племянника, пока я разомнусь, а то у меня колики в желудке.

Священник взял ребенка; белое крестильное платице резким пятном выделялось на его черной сутане; он поцеловал малютку; его смущала эта легкая ноша, ибо он как следует не умел ни держать, ни положить младенца. Все засмеялись. Одна из бабушек крикнула издали:

– А признайся-ка, аббат, тебе не жалко, что у тебя-то никогда не будет такого?

Священник ничего не ответил. Он шел большими шагами, неотрывно глядя на голубоглазого крошку, и ему так хотелось еще паз поцеловать круглые щечки. Он не удержался и, приподняв головку младенца, крепко поцеловал его долгим поцелуем.

Отец воскликнул:

– Знаешь что кюре, если тебе вздумается завести своего, скажи только – и дело с концом.

И все принялись шутить, как обычно шутят крестьяне.

Как только уселись за стол, грубое деревенское веселье разразилось, словно буря. Два других сына тоже собирались

жениться; присутствовали и их невесты, приглашенные на обед; гости то и дело отпускали игривые намеки насчет будущего потомства, которое произойдет от этих браков.

Девушки краснели и хихикали, слушая грубоватые остроты, пересыпанные крепкими словечками. Мужчины корчились от хохота и с громкими возгласами барабанили кулаками по столу. Отец и дедушка изощрялись в непристойных шутках. Мать улыбалась. Старухи принимали участие в общем веселье, зубоскалили.

Священник, привычный к мужицкому разгулу, невозмутимо сидел рядом с акушеркой, трогая пальцем крохотный ротик своего племянника, чтобы заставить его улыбнуться. Казалось, его поразили этот ребенок, словно он никогда раньше не видел детей. Он рассматривал его задумчиво и пристально, мечтательно и серьезно, и в нем просыпалась нежность, ранее ему незнакомая, странная, пылкая и немного грустная нежность, к этому маленькому хрупкому созданию, сыну его брата.

Он ничего не видел, ничего не слышал, поглощенный созерцанием младенца. Ему хотелось снова взять его к себе на колени, так как у него в груди и в сердце сохранилось то сладостное ощущение, испытанное им, когда он нес ребенка из церкви. Он чувствовал умиление перед этой человеческой личинкой, словно коснувшись какой-то несказанной тайны, о которой он раньше никогда не помышлял, — торжественной и священной тайны воплощения новой души, великой тайны зарождения жизни, пробуждения любви, продолжения расы, рода человеческого, который вечно идет вперед.

Повивальная бабка, вся красная, с блестящими глазами, жадно ела, а ребенок ее стеснял, — из-за него она не могла вплотную придвинуться к столу.

Аббат сказал:

— Дайте его мне. Я не голоден.

Он снова взял дитя, и все разом исчезло у него из глаз, все стерлось: перед ним было только это розовое, пухленькое личико. Тепло маленького тельца, постепенно проникая сквозь пеленки и сукно сутаны, согревало ему колени, и он ощущал это текло как легкую, добрую, чистую ласку, чудесную ласку, вызывающую слезы на глазах. Шум за столом все возрастал,

сделался оглушительным. Ребенок, испуганный этим гамом, заплакал.

Кто-то из гостей крикнул:

– Слушай, аббат, покорми-ка его грудью!

Раскаты смеха потрясли залу. Но мать встала, взяла своего сыночка и унесла в соседнюю комнату. Через несколько минут она вернулась и сообщила, что ребенок спокойно спит в колыбели.

Пиршество продолжалось. Мужчины и женщины по временам выходили во двор, потом возвращались и вновь усаживались за стол. Говядина, овощи, сидр и вино поглощались в несметном количестве, животы раздувались, глаза горели, мысли путались. Начинало уже смеркаться, когда принялись за кофе. Священник давно исчез куда-то, но никто и не заметил его отсутствия.

Наконец молодая мать встала, чтобы посмотреть, спит ли ребенок. Уже совсем стемнело. Она вошла в комнату и продвигалась ощупью, протянув перед собой руки, чтобы не наткнуться на мебель. Вдруг она услышала какие-то странные звуки и остановилась: ей показалось, что там кто-то шевелится. Бледная, дрожащая, она вернулась в залу и рассказала, что с ней было. Мужчины переполошились и вскочили все сразу, пьяные и свирепые; муж ее с лампой в руке бросился вперед.

Стоя на коленях возле колыбели, уткнувшись лбом в подушку, на которой покоилась головка ребенка, аббат плакал навзрыд.

* * *

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод М.Мошенко. Neкаýalar